

Главные действующие лица

Волшебники

М-р Руперт Деверокс — премьер-министр Великобритании и Империи.

М-р Карл Мортенсен — министр обороны.

Г-жа Джессика Уайтвелл — министр госбезопасности.

М-р Генри Дюваль — шеф полиции.

М-р Мармадюк Фрай — министр иностранных дел.

Г-жа Хелен Малбинди — министр информации.

М-р Джулиус Тэллоу — министр внутренних дел.

М-р Джон Мэндрейк — помощник министра внутренних дел.

М-р Джордж Ффукс — волшебник четвертого уровня, департамент внутренних дел.

Г-жа Джейн Фаррар — помощник шефа полиции.

М-р Шолто Пинн — торговец, владелец магазина «Снаряжение Пинна» на Пиккадилли.

М-р Квентин Мейкпис — драматург, автор «Лебедей Аравии» и иных произведений.

А также многие иные волшебники, полицейские и соглядатаи.

Джонатан Страуд

Простолюдины

Китти Джонс.

Якоб Гирнек.

М-р Т. Э. Пеннифезер.

Энн Стивенс.

Фред Уивер.

Стен Хейк.

Николас Дру.

Клем Хопкинс.

И прочие участники Сопротивления.

Духи

Бартимеус — джинн, на службе у м-ра Мэндрейка.

Квизл — джинн, на службе у м-ра Ффукса.

Шубит — джинн, на службе у г-жи Уайтвелл.

Немиадес — джинн, на службе у м-ра Тэллоу.

Симпкин — фолиот, на службе у м-ра Пинна.

И множество иных афритов, джиннов, фолиотов
и бесов.

Пролог

Прага, 1868

В сумерках один за другим вспыхивали вражеские костры. Их было куда больше, чем в любую из минувших ночей. Костры сверкали на серых равнинах, точно россыпь огненных самоцветов, и было их так много, что казалось, будто из-под земли возник зачарованный город. В наших же стенах, напротив, дома стояли с затворенными ставнями и светильники были притушены. Все сделалось шиворот-навыворот: сама Прага стояла темной и мертвой, в то время как земли вокруг города пылали жизнью.

Вскоре после этого улегся ветер. Перед тем он дул в течение нескольких часов — сильный и ровный западный ветер, приносивший нам вести о передвижениях захватчиков: грохот осадных машин, голоса солдат и животных, вздохи полоненных духов, запахи творимых чар. А теперь ветер утих с неестественной внезапностью и воцарилось безмолвие.

Я парил высоко в небе над Страховым монастырем, держась внутри кольца величественных городских стен, которые сам же и отстроил три века тому назад. Мои кожистые крылья мерно двигались мощными взмахами; глаза мои прозревали все семь

планов до самого горизонта¹. Нельзя сказать, чтобы зрелище было отрадное. Само британское воинство пряталось за Сокрытиями, однако же волны его мощи уже подкатывали к подножию Пражского Града. Во мраке смутно виднелись ауры огромного контингента духов; ежеминутно очередные краткие содрогания планов возвещали о прибытии все новых отрядов. По темным полям целеустремленно перемещались в разных направлениях группы людей-солдат. В центре громоздилось скопище огромных белых шатров, похожих на яйца птицы Рок. Вокруг шатров густо, точно паутина, висели Щиты и прочие заклинания².

Я поднял взгляд к темнеющему небосводу. На небе теснились гневные черные тучи, слегка подкрашенные

¹ *Семь планов*: семь доступных планов налагаются один на другой, и каждый из них открывает определенные аспекты бытия. Первый включает тривиальные материальные объекты (деревья, здания, людей, животных и т.п.), которые видны всем; на остальных шести планах пребывают духи различных разновидностей, которые тихо-мирно занимаются своими делами. Высшие существа (вроде меня) могут использовать свое внутреннее зрение для того, чтобы обозревать все семь планов одновременно, низшим же созданиям приходится обходиться меньшим. Люди относятся к самым низшим существам. Волшебники носят контактные линзы, которые позволяют видеть от двух до трех планов, большинство же людей видят лишь первый план, в результате чего они остаются в неведении относительно творящихся вокруг магических действий. Например, вполне возможно, что прямо сейчас у вас за спиной висит нечто невидимое со множеством щупалец, а вы и знать не знаете.

² Несомненно, именно там, на безопасном расстоянии от поля битвы, скрывались британские волшебники. Мои хозяева-чехи были точно такие же. На войне волшебники всегда берегут себя самую опасную работу — как правило, они отважно обороняют большие запасы еды и вина в нескольких милях от линии фронта.

Глаз голема. Пролог

желтым на западе. На большой высоте, вне пределов досягаемости Взрывов и почти незримые в гаснущих сумерках, кружили шесть размытых точек. Они плавно двигались противусолонь, в последний раз обозревая наши стены, проверяя, насколько прочна наша защита.

Да, кстати, не мешало бы и мне сделать то же самое.

У Страховых ворот, самого дальнего и уязвимого места в стенах, была возведена укрепленная башня. Древние ворота были заперты тройным наговором и бесчисленным множеством засовов, а грозные зубцы на вершине башни щетинились пиками недремлющих часовых.

По крайней мере, должны были щетиниться.

К башне летел я, коршуноглавый, кожистокрылый, сокрытый призрачной завесой. Я беззвучно ступил босыми ногами на высокий каменный гребень. Я ожидал мгновенного оклика, сурового «Стой, кто идет?!», стремительной реакции готовых к битве воинов.

Тишина. Я снял с себя Сокрытие и стал ждать хотя бы скромного, запоздалого проявления бдительности. Потом громко кашлянул. И снова — ничегошеньки.

Часть парашюта была загорожена мерцающим Щитом, за которым и примостилось пятеро часовых¹.

¹ Каждый часовой был мелким джинном, немногим могущественнее обычного фолиота. Прага переживала не лучшие времена: волшебники ощущали нехватку рабов и были вынуждены использовать кого попало, невзирая на качество. Это было заметно хотя бы по той внешности, которую избрали себе мои часовые. Вместо устрашающих, воинственных обличей передо мной предстали: две летучих мыши-оборотня, ласка, лупоглазая ящерица и маленький, довольно унылый лягушонок.

Джонатан Страуд

Щит был изрядно узок и рассчитан на одного солдата-человека или максимум на трех джиннов. Поэтому на площадке царила изрядная толкотня.

— Ну чего ты пихаешься, чего пихаешься?

— Поосторожней с когтями, ты, придурок!

— А ты подвинься. Я ж тебе говорю, у меня вся задница наружу торчит! Еще увидят, чего доброго.

— Ну, это само по себе могло бы принести нам победу.

— Кончай крыльями размахивать! Едва глаз мне не вышиб!

— А ты превратись во что-нибудь поменьше. Как насчет глиста, например?

— Если ты еще раз ткнешь меня локтем!..

— А я чё, виноват, что ли! Это Бартимеус нас сюда поставил. Этот надутый...

Ну, короче, вот такой образец плачевной расхлябанности и бестолковщины. Думаю, целиком это пересказывать совершенно незачем. Коршуноглавый воитель сложил свои могучие крыла, выступил вперед и привлек внимание часовых, ловко отвесив им крепкую затрещину, одну на всех¹.

— И это называется часовые? — прогремел я. Я был не в настроении устраивать тут долгое разбирательство: полгода непрерывной службы изрядно источили мою сущность. — Прячетесь за Щитом, ссоритесь, как торговки на базаре... Я вам что велел? Бдеть!

¹ И пять голов с треском стукнулись одна о другую. Это было похоже на какую-то народную игрушку.

Глаз голема. Пролог

Часовые что-то жалко бубнили в свое оправдание, переминались с ноги на ногу и смотрели в пол. Наконец лягушонок несмело поднял лапку.

— Извините, мистер Бартимеус, сэ, — сказал он, — но что толку в нашем бдении? Британцы-то повсюду: и на небе, и на земле. Мы слышали, что у них там целая когорта афритов — это правда?

Я устремил свой клюв к горизонту и сузил глаза.

— Быть может.

Лягушонок застонал:

— А у нас-то ни единого не осталось, верно ведь? С тех пор как Феб накрылся медным тазом. А еще у них есть мариды — и не один, если верить слухам. А у предводителя еще и этот посох — страсть какой мощный. Говорят, он им и Париж, и Кельн разнес по пути сюда. Это тоже правда?

Ветерок слегка шевелил перышки у меня на голове.

— Быть может.

Лягушонок ахнул.

— Но ведь это же просто ужас, верно? Нам теперь просто не на что надеяться. С самого обеда прибывают все новые и новые отряды духов, а это может означать только одно. Сегодня ночью они пойдут в атаку. И к утру мы все будем покойниками.

Мда-а, ничего не скажешь, хорошенький боевой дух будет у нашего войска от таких разговорчиков!¹ Я положил руку на его склизкое, бородавчатое плечо:

— Послушай, сынок... Как тебя звать?

— Наббин, сэ.

¹ Которые, впрочем, вполне соответствуют истине.

Джонатан Страуд

— Наббин. Так вот, Наббин: не стоит верить всему, что тебе говорят. Да, конечно, британская армия сильна. Более того: редко случалось мне видеть воинство сильнее этого. Но пусть так. Пусть у них есть мариды, целые легионы афритов и целые бочки хорл. Пусть все это обрушится на нас сегодня ночью, прямо здесь, у Страховых ворот. Ну что ж, пусть явятся! У нас еще есть в запасе нечто такое, от чего им придется убраться несолоно хлебавши.

— Например, сэр?

— У нас есть такое, от чего все эти африты и мариды кувырком попадают с неба. Тайные приемы, которым мы научились в огне десятков битв. Приемы, которые сулят одну сладостную возможность: выжить!

Лягушонок уставился на меня своими выпученными глазами.

— Это мой первый бой, сэр...

Я небрежно махнул рукой:

— В любом случае императорские джинны говорят, что его волшебники над чем-то там трудятся. Последняя линия обороны. Какой-нибудь сумасшедший план, как пить дать. — Я похлопал его по плечу, как это принято у мужчин. — Ну что, сынок, полегчало тебе?

— Никак нет, сэр. Только хуже стало.

Ну, в общем, справедливо. Что поделаешь, не спец я по части таких задушевных бесед!

— Ладно! — проворчал я. — Вот вам мой совет: уворачивайтесь пошустрее и, где возможно, удирайте. Если повезет, ваших хозяев убьют раньше, чем вас. По крайней мере, сам я рассчитываю именно на это.

Глаз голема. Пролог

Надеюсь, они сумели извлечь пользу из моей воодушевляющей речи. Потому что именно в этот момент британцы пошли в атаку. По всем семи планам раскатилось далекое эхо. Мы все ощутили его: это был властный приказ, звучащий на одной мощной ноте. Я резко развернулся, вглядываясь во тьму, и пятеро часовых, один за другим, тоже высунули головы из-за зубцов.

Внизу, на равнинах, могучая армия пришла в движение.

Во главе войск, несомые внезапным порывом яростного ветра, мчались джинны в алых и белых доспехах, вооруженные тонкими пиками с серебряными наконечниками. Крылья их гудели, и башня содрогалась от их воплей. А по земле двигались призрачные полчища: хорлы со своими костяными трезубцами. Они обшаривали все дома и хижины, построенные снаружи городских стен, ища добычи¹. Вокруг них порхали смутные тени — гули и морюки, призраки холода и несчастья, нематериальные на любом из планов. А вслед за ними, вереща и щелкая челюстями, подобно пыльной буре или гигантскому пчелиному рою, взмыли в небо тысячи бесов и фо-

¹ И разумеется, никого не находили, о чем свидетельствовали их разочарованные завывания. Пригороды стояли пустые. Как только британская армия пересекла Ла-Манш, чешские власти принялись готовиться к неизбежному нападению на Прагу. Они практически с самого начала спрятали все население в стенах города — которые, кстати сказать, представляли собой подлинное чудо магической инженерной мысли и являлись мощнейшими в Европе. Я уже упоминал о том, что приложил руку к их постройке?